

УДК 233.5

АНТРОПОЛОГИЯ СПБДА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: ПРЕОДОЛЕНИЕ ЗАМКНУТОСТИ «Я»

Диакон Павел Иоаннович Каледа
кандидат физико-математических наук,
выпускник аспирантуры
Богословского факультета ПСТГУ,
E-mail: pkaleda@yandex.ru

Для цитирования: *Каледа, П.И., диак.* Антропология СПБДА конца XIX – начала XX века: преодоление замкнутости «я» // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 129–148.

Аннотация

В Санкт-Петербургскую духовную школу интерес к антропологии пришел из Киевской духовной академии через посредство В.Н. Карпова и его непосредственного ученика А.Е. Светилина. Представителями Санкт-Петербургской духовной академии был написан ряд работ, посвященных антропологической тематике и в том числе понятиям: «сознание», «самосознание», «лицо», «личность». В настоящей работе сделана попытка дать обзор антропологических взглядов на эти понятия представителей Санкт-Петербургской духовной академии и выделить аспекты, которые их объединяют.

Ключевые слова: антропология; сознание; самосознание; лицо; личность.

Введение

Первая отечественная философско-богословская антропологическая школа возникла в Киевской духовной академии благодаря святителю Иннокентию Херсонскому и профессору П.С. Авсенёву. Именно оттуда пришел интерес к антропологии в Санкт-Петербургскую духовную школу через посредство В.Н. Карпова, выходца из Киевской духовной академии, и его непосредствен-

ного ученика А.Е. Светилина, который много лет преподавал в Санкт-Петербургской духовной академии логику и психологию¹. Представителями Санкт-Петербургской духовной академии был написан ряд работ, посвященных антропологической тематике, в том числе понятиям: «сознание», «самосознание», «лицо», «личность».

Возникает вопрос: можно ли говорить о некотором концептуальном единстве в антропологических взглядах этих авторов? И если такового не обнаруживается, то какие общие черты можно выделить в их подходах?

В настоящей работе сделана попытка найти ответ на эти вопросы.

*Александр Емельянович Светилин
(1841–1887)*

Как уже было замечено исследователями, профессор А.Е. Светилин, преподававший логику и психологию в Санкт-Петербургской духовной академии в 1869–1884 годах, придал определенный импульс ряду богословов Петербургской духовной школы, вдохновив их следующей идеей: «Оснастив философию точным знанием, мы придем к истинам богословия» [12, с. 169]. В нашей статье [6] показано, что среди таких людей находится и протопресвитер Евгений Аквилонов, антропологические взгляды которого ранее не подвергались исследованию.

Профессор не различает понятия «дух» и «душа», пользуясь этими словами как синонимами [6, с. 88]. Душевному явлению Светилин придает три ключевых свойства. Первое – это (пространственная) непротяженность. Второе – непосредственность, т.е. совпадение объективного и субъективного. В связи с этим особую важность принимает проводимое профессором различение ощущения как объективного факта душевной жизни и восприятия как придания качества ощущения соответствующему внешнему предмету, которое подлежит критической оценке. И третье свойство – это свобода. Светилин выделяет в душе три

---

¹ Еще одним связующим звеном между этими духовными школами является свт. Феофан Затворник, автор первой «христианской психологии». Получив образование в КДА, он преподавал в СПбДА и был некоторое время ее ректором.

рода состояний: чувства, желания и мысли. Свобода состоит в том, что все эти состояния существуют, в том числе потому, что их допускает наша воля [9, с. 6–9]. Воля способна определять направление внимания, контролировать ход представлений и делать между ними выбор, она «первична по отношению к мышлению» [6, с. 89].

Под сознанием Светилин понимает «внутреннее чувство» [9, с. 153]. Сознание в человеке «развивается» до самосознания, «когда готовы представления и о внешних предметах, и о нашем “я”» [9, с. 325]. Воля, по Светилину, «принадлежит только тому, кто обладает самосознанием» [9, с. 606], поскольку отличается от желания отделением «нашего “я” от своих состояний – чувств, желаний, стремлений».

Стоит также отметить светилинскую идею постепенного развития представления о нашей личности: человеческое представление о личности постепенно развивается, начиная с представления о себе как своем теле [9, с. 415–425]. Ученик Светилина епископ Михаил (Грибановский) впоследствии разовьет эту идею, доведя до логического завершения: в его концепции «я» достигает синтеза с бесконечностью в акте любви [4, с. 461].

Протопресвитер Иоанн Леонтьевич Янышев (1826–1910)

Протопресвитер Иоанн Янышев отличает душу и дух: отдельным актом творения была создана душа [13, с. 194], и в дальнейшем она передается детям от родителей [13, с. 227]. А дух есть «власть над телом и над внешнею природою». Именно в нем о. Иоанн видит образ Божий, а подобие – в «развитии духа, как такой власти» [13, с. 195]. С другой стороны, дух есть «сила самоопределения» [13, с. 184], которая обладает и пользуется своим телом и внешней природой. Она развивается тройко: через развитие знания, развитие «нравственного чувства и сознания нравственного закона» и развитие свободы как «силы самоопределения в управлении своим психофизическим организмом» [13, с. 193].

Слово «сознание» Янышев использует как нечто близкое к «знанию»: «действие призывающей благодати относится <...>

ко всем трем <...> сторонам человеческого духа: к его знанию или сознанию, к чувству и стремлению или возбуждению» [13, 348], (заметим, что протопр. Иоанн приводит классическое трехчастное деление сил души, называя их «сторонами человеческого духа»¹). Все сознаваемое сознается через «психологическую форму» чувства [13, с. 35]. Собственная воля «я» сознается, будучи предметом нравственного чувства [13, с. 37].

В человеке сознание «немыслимо» без самосознания, которое развивается в человеке под влиянием «высшей его, самосознательной же силы». Самосознанию сопутствует сознание нравственного закона, что тоже «невозможно без внешнего авторитета» [13, с. 64]. Самосознание возникает и растет в соответствии с тем, насколько «внешний органический мир и психический усваивается нами» и становится орудием нашего «я» [13, с. 192]. Человеческая природа с участием «высшей Личной, Живой Силы» развивается «до нравственного самосознания», т.е. до сознания своего «я» и нравственного закона [13, с. 64].

Лицом Янышев называет «таинственную энергию самоопределения, неотделимую от самосознания». А личностью он называет «более частное понятие <...> лица, охарактеризованного <...> ему только свойственными, естественными или нажитыми, психическими и физиологическими качествами» [13, с. 147–148]. При этом слова «дух» и «личность» протопресвитер часто использует как синонимы².

Под «я» протопр. Иоанн подразумевает «центр личности» [13, с. 432, 435], «силу или энергию самоопределения в отношении к добру или злу» [13, с. 140], «первопричину», от которой зависят наши действия и намерения [13, с. 143]. Сила самоопределения неотделима от нравственного чувства и связана с сознанием себя «отличным от своих хотений, знаний и чувствований» и способностью делать их объектом для себя [13, с. 157].

¹ См. [10, с. 348]: «действие призывающей благодати относится собственно ко всем трем основным проявлениям или сторонам человеческого духа: к его знанию или сознанию, к чувству и стремлению или возбуждению». См. также [10, с. 357] – здесь Янышев пишет о том, что человеческие силы исчерпываются умом (сознанием), чувством и волей.

² См. [10, с. 187]: «...выясняется и усиливается и нравственная потребность, как потребность саморазвития и самообнаружения духа или личности» (выделение диакона П. Каледы).

Через повторение «актов решимости или самоопределения» наше «я» дает само себе определение, «отождествляет» себя с некоторым «нравственным направлением», созидает в себе определенное настроение воли [13, с. 165], пока не станет «нравственно-определенною личностью» [13, с. 407]. Быть нравственно-добрым означает с формальной стороны «быть сознательною силою самоопределения, в себе самой носящею нравственный закон своей деятельности и сознание ее согласия с этим законом», а с реальной стороны – «быть разумною властью по отношению ко всему безличному или материальному, и любовью и справедливостью по отношению ко всем другим личностям» [13, с. 245]. Личность «достигает самосознания и самоопределения», «сознает себя личностью» через встречу своих потребностей с потребностями других личных существ [13, с. 209], причем влечение «к согласованию» потребностей с потребностями других личностей не зависит от воли человека [13, с. 186]. Именно в установлении «отношений» духовных, психических и органических потребностей друг к другу, к внешнему миру и к другим личностям «зарождается и проявляется энергия духа, как сила самоопределения, как лицо» [13, с. 188].

Янышев не соглашается с идеей совести как голоса Божия: из этой идеи следовало бы, что сознающим субъектом в нашем сознании оказывается «не наше “я”, а другое и притом божественное», что делает наше сознание «не нашим» и уничтожает и разум, и нравственность [13, с. 188]. Однако прот. Иоанн не готов говорить об автономном нравственном сознании, поэтому он предлагает другой способ причастности к Божественному знанию: через «просвещенность божественным Откровением» нравственного сознания человека [13, с. 273–273].

Епископ Михаил (Грибановский)
(1856–1898)

Понятие «самосознание» является ключевым для магистерской диссертации еп. Михаила. Оно состоит в том, что «нам ясно наше собственное действительное бытие» [4, с. 228].

Его можно представить через цепочку операций, когда сознание берет некие частные предметы и их взаимоотношения,

через синтез восходит к первооснове и более общим родам. На вершине этой цепочки стоит самосознание – бытие, «очистившееся от всего частного <...>, высший синтез бытия, абсолютно тождественное с собой» [4, с. 229]. Таким образом, самосознание имеет одинаковую природу с другими душевными силами и отличается от них лишь тем, что «в нем бытие стало прозрачным для себя» [4, с. 233]. Бессознательная сила имеет отношение лишь к иному, а самосознание есть «сила, соотносящаяся с собой» [4, с. 234].

Самосознание абсолютно достоверно как по форме, так и по содержанию, ведь оно есть «совершеннейшее тождество с объективной природой самого себя». Внешние предметы мы знаем через посредство бессознательных сил души, которые могут неправильно отобразить в себе соответствующий предмет. Поэтому возможная ошибка в итоговом результате лежит не на самосознании, которое соотносит данные бессознательных сил души с самим собою, а именно в бессознательных силах [4, с. 235–236].

Самосознание открывает в себе самом три необходимых признака: единство, благо и свободу [4, с. 243–249]. Указанная тройственность, по Грибановскому, тесно связана с «природой» самосознания, которое есть лишь «абсолютный синтез» других психических сил, в котором «они дошли до своего полного единства». В душевной жизни проявляются три несводимые друг ко другу стороны душевной жизни: ум, чувство и воля, и три необходимых признака самосознания являются их отображением в нем [4, с. 249].

Таким образом, самосознание является в некотором смысле фокусом внутренней душевной жизни: «Непосредственно сливаясь с объективной действительностью в ее высшем пункте, самосознание представляет из себя в то же время тот фокус, в котором сосредоточивается вся наша внутренняя сознательная жизнь» [4, с. 251].

Поскольку самосознание есть синтез всех душевных сил, оно «совмещает все моменты душевного развития» [4, с. 259]. И если «бессознательные душевные процессы состоят в накоплении частных изменений под влиянием окружающего мира и в их организации путем постепенного синтеза», то жизнь

самосознания «может состоять лишь в прояснении» этого синтеза, т. е. «в постепенном анализе». «Самосознание, стремясь к прояснению себя, действует на бессознательную природу и в результатах ее деятельности выясняет само себя. Бессознательные душевные силы, стремясь к развитию в самосознании как безусловном синтезе своего бытия, находят на правителя своего развития» [4, с. 273].

Получается, что человек обладает двойственностью условного-безусловного: если мы безусловны в «формально сознательной деятельности», то мы «бесконечно условны в своем реальном душевном содержании». Эту двойственность Грибановский относит в своей магистерской работе к библейскому разделению души и духа, ставя человеческую душу с животными силами на один уровень и рассматривая самосознательный дух как отличительную черту человека [4, с. 277].

Из психологической концепции Грибановского вытекает, в частности, и та мысль, что дух (самосознание) должен преобладать над душою, а человек должен постепенно становиться «все более и более духовным и в этом одухотворении все более и более уподобляться Богу, возрастая в Нем в процессе вечного самосовершенствования и бесконечной жизни с ее блаженством» [4, с. 277].

Если в магистерской диссертации Грибановского акцент сделан на самосознании, то лекции дают нам больше материала касательно личности.

По Грибановскому, «личность есть то, что называется “я”». Оба этих термина описывают единую реальность с разных сторон: объективной (в другом) и субъективной (во мне). Личность предполагает самосознание, поэтому личность обладает свойствами, аналогичными самосознанию: единством, нравственным достоинством и свободой [4, с. 98].

С одной стороны, самосознание, главный признак личности, имеет ту же природу, что и бессознательные душевные силы. С другой стороны, невозможно «проследить процесса возникновения сознательного явления из бессознательного», это «немыслимо для нас» в силу того, что самосознание поставлено в отношении к самому себе [4, с. 129]. Получается, что личность, будучи созерцающим субъектом, «выделяется из нашей природы» и сознает как себя, так и «природу, которая отражается в ней» [4, с. 102].

В своих лекциях еп. Михаил возникновение человеческой личности возводит к особому акту творения Божия: «человеческая личность <...> не так сотворена, как остальная природа. Творению личности предшествует творческий совет Троица Божия; в самом акте творения новую черту представляет то, что Бог в тело человека вдунул дыхание жизни» [4, с. 122].

Приведенную цитату можно прочитать двояко. Можно ее прочитать как творение в человеке особого начала – личности, отличной от «целокупной» человеческой душевно-телесной природы, и тогда возникает противоречие с точкой зрения еп. Михаила, высказанной в его магистерской диссертации. Автор настоящей работы склоняется к другому прочтению: Господь вдохнул в тело человека дыхание жизни, т.е. самосознание (как утверждал владыка в своей магистерской работе), и именно в результате самосознания появился человек-личность. Другими словами, личность возникает как следствие самосознания; если смотреть на «дыхание жизни» как на феофановский дух, как на сообщение одушевленной «глиняной тетерьке» [11, с. 45] возможности самосознания, то это и будет творением тройственной человеческой природы и одновременно – человеческой ипостаси-личности. Эта точка зрения косвенно подтверждается утверждением еп. Михаила в его лекциях, что именно в личном самосознании состоит отличительная черта человека, которая «полагает непроходимую бездну между человеком и животным» [4, с. 123].

Митрополит Антоний (Храповицкий)
(1863–1936)

Митрополит Антоний (Храповицкий) в своей диссертации со ссылкой на Владиславлева¹ определяет сознание как «присвоение себе своих состояний», а самосознание – как «мысль о себе как причине своих состояний». В самосознании мы «различаем “я” от собственных состояний». Значит, «я», бескачественный субъект, оказывается «независимым от переживаемых им состояний». Таким образом, наше самосознание есть «сознание нашей свободы и отождествление ее с нами самими» [3, с. 684].

¹ Владиславлев М.И. (1840–1890), ректор Императорского Санкт-Петербургского университета, читал лекции в том числе по психологии и философии.

Самосознание играет ключевую роль в душевной деятельности. Так, все душевные состояния содержат мысль о нашем «я»: представление содержит «в себе указание и на стол, и на то, что это указание находится в моей мысли», а чувства и желания представляются непосредственно как «состояния моего “я”». При этом «я» имеет власть над этими своими состояниями, даже «если возникновение их было невольное», ведь «я» может «принять эти состояния, или отвергнуть их», или «хотя бы бороться с ними» [З, с. 687].

Единство и тождество самосознания Храповицкий осмысляет как действие единой независимой воли, которая «усваивает себе состояния, на которые имеет влияние». Именно она, будучи господствующей силой души, и есть «реальный объект сознания единого и самотождественного “я”» [З, с. 712].

Главным моментом в понятии личности, по Храповицкому, является «самосознающее “я”». Поскольку самосознание связывается в первую очередь с волей, то личностью получается «субъект самотворящий» [З, с. 737], хотя митр. Антоний и употребляет иногда выражения типа «все три деятельности души, т. е. вся личность» [З, с. 741]. Личность является не только «творчески-деятельным началом, строящим собственную причинность», но и представляет собой «нравственно-деятельное начало, подлежащее нравственному самоопределению» [З, с. 750].

Категории – априорные формы мышления: субстанция, причинность, изменение, отношение – «по происхождению своему суть факты внутреннего самосознания» [З, с. 689–794]. В частности, категория субстанции формируется в результате «встреч препятствий нашей воле, благодаря которым мы, как причину их, полагаем другое “я”» [З, с. 689]. Между тем это противопоставление «я» – «не-я», по мнению митр. Антония, является результатом грехопадения, и христианин должен освободиться от него [З, с. 10–11] через «сострадающую любовь» [З, с. 52] и «внутреннее самоотжествление» с другим человеком [З, с. 272].

Как уже стало ясно, с точки зрения митр. Антония, воля первична по отношению к другим силам, и именно она определяет ход душевной жизни. Кажется бы, чувство тоже может влиять на волю – почему воля остается первичной? На это митр. Антоний дает двойственный ответ. Во-первых, во власти воли остается

– «принять» чувство или нет. Во-вторых, само чувство возникает «по причине встречи известного представления с существовавшим уже стремлением воли» [3, с. 710]. Митрополит Антоний придерживается учения о существовании «бессознательных или, вернее, досознательных стремлениях воли». Всего имеется пять первоволей – например, стремление воли к благоприятным условиям деятельности или к нравственному благу [3, с. 710]. Воля развивается на основе этих первоначальных врожденных стремлений, и ее конкретное направление развития зависит от свободы, от «я» [3, с. 712].

Что касается прочих душевных сил, то автор отличает разум и рассудок, понимая под первым способность «возбуждаться тем, что должно быть», что предполагает нравственную норму [3, с. 751]. К чувственной силе относится нравственное чувство, причем его особенность состоит в том, что степень его волнения зависит не от степени разумности поступка, а от ясности сознания свободы в данном конкретном акте воли [3, с. 730].

Виталий Степанович Серебrenиков
(1862–1942)

Для реконструкции антропологических взглядов В.С. Серебrenикова мы пользуемся его работой «Учение Локка о природенных началах знания и деятельности» [10], где в разделе «Христианское учение об образе Божиим» автор на основании множества творений святых отцов формулирует соответствующее святоотеческое учение. Во введении к своей работе он также высказывает некоторые свои антропологические взгляды.

Поскольку человеческая душа изначально создана по образу Божию, а затем образ Божий передается от родителей к детям, то черты этого образа «относятся к природенным началам души». Изучая учение святых отцов, Серебrenиков приходит к выводу, что они учат о двух образах Божиих: образ природный и образ деятельный или, в другой терминологии, образ Божий и подобие Божиим [10, с. 321]. Первый из них содержится в душе человека в тех ее «природных принадлежностях», которые «аналогичны свойствам Божиим» [10, с. 321] и «качественно возвышают природу человека над видимым миром вообще и природою животных в частности» [10, с. 330].

Собственно, начала «знания и деятельности» возникают в соответствии с двумя сторонами душевной жизни: познавательной и деятельной [10, с. 335]. На самом деле здесь скрытым образом участвует и чувствующая сторона. Дело в том, что в познавательной деятельности большую роль играет рефлексия. По Локку, если ощущение есть источник идей, относящихся к внешнему миру, то рефлексия является источником идей, относящихся к миру внутреннему, психическому. В этом смысле «рефлексия является как бы шестым чувством, знакомящим нас с психическим миром» [10, с. 338]; в ее отсутствие мы не отличались бы от животных.

Серебренников различает сознание, воспринимающее «предметные» истины, и самосознание, которое воспринимает истины, относящиеся к душевным явлениям [10, с. 93]. Он утверждает, что рефлексия есть «способность самосознания». Отсюда следует, что посредством рефлексии «мы воспринимаем не просто явления, а явления, служащие обнаружением сил и законов нашей душевной природы». Значит, при помощи нее мы можем определить силы и законы как нашей познавательной деятельности, так и произвольной, а также «критически оценить ее с точки зрения идеала и свободно привести ее в согласие с последним». Если бы рефлексии у человека не было, он имел бы «только стихийное опытное знание и стихийную произвольную деятельность», и его душевная деятельность шла бы «по роковой необходимости» [10, с. 339].

Рефлексия необходима также, чтобы субъект мог «отделить себя от своих идей». Это требуется и для «произвольной деятельности сравнения, сочетания и отвлечения», и для построения связи между идеей и словом, и для реализации свободы – как через отделение себя от своих мотивов, так и для отделения себя от своих целей» [10, с. 339–342].

Сама по себе рефлексия относится к природному образу Божию у человека, ее нет у животных [10, с. 340, 343]. Реализация деятельного образа Божия состоит в том, что сознающий нравственный закон в качестве «безусловного требования, исполнение которого не составляет необходимости для него», человек возвышается над своею «стихийною природою» и путем своих собственных усилий «создает в себе <...> нечто новое сравнительно со стихийною

природою <...> – нравственный характер» [10, с. 342]. Для этого человеку требуется свобода, которая, как было указано, тоже невозможна без рефлексии.

Таким образом, по Серебренникову, ключевым свойством, выделяющим человека из прочей природы, является способность рефлексии.

*Протопресвитер Евгений Аквилонов
(1861–1911)*

Протопресвитер Евгений Аквилонов был учеником Светилина [8, с. 17–18]. Его докторская диссертация «О физико-телеологическом доказательстве бытия Божия», защищенная в 1905 году и посвященная психологической теме, оказалась «почти не замеченной в научных кругах» [7, с. 387–388], а ее автор остался более известен работами по экклезиологии. В работе [6] впервые в центр внимания положены антропологические идеи этого автора.

Для Аквилонова человек – это «не материя, а дух»¹, который ассоциируется с разумом, свободной волей и личностью, который пользуется своим телом как орудием и заключен в него, словно в хижину [2, с. 141–142]. Протопресвитер не различает понятия «душа» и «дух», отдавая предпочтение последнему. В синонимичном смысле он использует также термин «сознание» [6, с. 86].

Протопресвитер Евгений строит оригинальную концепцию самосознания, мирознания и богосознания. Мирознание получает свое содержание из внешних чувств и оперирует представлениями из области видимого мира; богосознание оперирует представлениями религиозными и нравственными, имея для этого свой собственный орган – разум. Самосознание «находится между» мирознанием и богосознанием и «усвояет себе каждое из них» [2, 186–189].

Идея Светилина о постепенном развитии человеческого представления о личности находит свой отголосок в идее Аквилонова о расширении «я» от «поверхности тела» человека и «даже до границ всечеловечества» [2, с. 248]. Но Аквилонов это свя-

¹ Слова «дух» и «душа» прот. Евгений обыкновенно использует как синонимы.

зывает с «двойственностью» природы человека: ограниченная его телом («худшая») и та, на которую распространилась его любовь («лучшая»). Человек, любовь которого достигает его ближних, который «их радости и горе чувствует как бы своими», этой любовью «утверждает себя самого и пригвождает ко кресту другого, в нем находящегося, человека» [2, с. 250]. Таким образом, человек имеет двойственную природу: его добродетели сообразны «лучшей» природе, а его пороки – «худшей».

Личность является «основой сущности» человека [2, с. 174] и обуславливается «взаимодействием душевных сил» [2, с. 170], т.е. разумом, чувством и волей [1, с. 61]. Отметим, что чувство, таким образом, «представлено» в личности вполне полноценно. Впрочем, лидирующую роль играет все же воля, что выявляется в отношениях между людьми, и в примате воли над мышлением [6, с. 87].

Исследование логического построения докторской диссертации прот. Евгения показывает, что оно продолжает светилинскую концепцию обоснования богословских истин через синтез философии и точного знания. Кроме этого, в идеях Аквилонова касательно сознания, развития представления о личности и его учении о воле также прослеживается влияние его учителя.

Сергей Михайлович Зарин
(1875–1935)

С.М. Зарин использует в отношении человеческого состава трихотомическую терминологию. Отличительной чертой человека является дух; человеческая душа сама по себе такая же, как у животных [5, с. 227, 229] (хотя она, по сочетанию с духом, и имеет некоторые отличия). Дух (ум) – это сила, которая «обнаруживает себя в виде самосознания и самообладания, служа в этом смысле принципом лично-духовной индивидуальности» [5, с. 229]. К духу Зарин относит понятия «ум» и «воля», рассматривая их как проявление одной способности (ума) «в различных отношениях и проявлениях» [5, с. 80].

Не давая точное определение, Зарин использует слово «сознание» в двух смыслах: как способность отличать себя от не-себя и

как то «место», где содержатся мысли и представления в процессе мышления. Соответственно, самосознание – это более узкое понятие, которое ограничивается внутренним психическим миром человека (способность отличить себя от своих действий и состояний).

Личность, по Зарину, с одной стороны, есть «индивидуализированная в конкретных представителях <...> единая обще-человеческая природа» [5, с. 33]. С другой стороны, личность «в истинном смысле» есть сознание нравственно-религиозной нормы, способность «свободно отнестись к природному несовершенству своей эмпирической жизни» и способность «сознательно самоопределить себя» в отношении проникающему в природу “злому началу”» [5, с. 43]. В этом смысле ключевой силой для личности является воля, обладающая «способностью свободного самоопределения» [5, с. 78–79]. При этом Зарин подчеркивает, что личность не сводится к духу как к «самосознающей и свободной силе», а включает в себя все силы и способности, все стороны существа человека [5, с. 114]. По Зарину, между двумя любящими личностями возможен «психологический обмен», в результате которого «особенности любимого становятся <...> внутренним достоянием любящего» [5, с. 68].

Стоит отметить, что сознание нравственно-религиозной нормы обеспечивается совестью, которая «служит “показателем” вложенного Богом в человеческую природу знания добра и зла» [5, с. 590]. По мере духовного роста человека совесть становится также «органом богопознания» [5, с. 591].

При этом «субъектом личной жизни», по Зарину, является душа, которая «имеет в духе свой высший, богоподобный принцип, а в сердце – свой непосредственный орган, концентрирующий и объединяющий в себе все свойственные ему состояния и деятельности» [5, с. 375]. Именно оно, по Зарину, является «средоточием» личной жизни человека [5, с. 375]. Сердце, в отличие от ума и воли, занимает свое место на «душевно» уровне. Между сердцем как органом души и духом как ее принципом имеется очень тесная связь: «деятельность “духа” происходит по преимуществу в “сердце”», так что часто сердцу приписывается то, что на самом деле относится к духу [5, с. 375].

Человек «сам управляет своею природой» – он может подавлять ее стремления или следовать им [5, с. 80]. Более того, человек

посредством аскетизма может «перерабатывать свою природу, как бы создавать новую» через приобретение навыков, «существенно изменяющих природные свойства человека» [5, с. 82–83].

Заключение

Итак, мы видим большое разнообразие взглядов. Например, даже последователи трихономического взгляда на человека по-разному понимают дух: как власть (Янышев), как самосознание (Грибановский), как высший принцип души (Зарин). Большинство авторов (Светилин, Храповицкий, Аквилон, Зарин) среди душевных сил первое место отдают воле, а Серебренников – рефлексии, понимаемой как «шестое чувство». Под личностью Светилин и Грибановский понимают «я»; Янышев – индивида со своими уникальными качествами; Храповицкий – «субъекта самотворящего»; Аквилон – результат взаимодействия душевных сил; Зарин – общечеловеческую природу, индивидуализированную ипостась, способную к свободно-сознательному самоопределению. Если Зарин и Серебренников субъекта («я») относят к «животному» уровню, то по учению еп. Михаила и прот. Иоанна «я» однозначно соответствует «духовному» уровню, который отличает человека от животного. Под сознанием Светилин понимает внутреннее чувство; митр. Антоний – присвоение себе своих состояний; Серебренников – способность воспринимать предметные истины, Зарин – способность отличать себя от всего остального. Самосознание все авторы связывают так или иначе с отношением «я» к самому себе, т.е. отличием себя от своих состояний и действий, хотя и формулируют это несколько по-разному.

Всех авторов, кроме обучавшегося за границей Серебренникова, объединяет стремление как бы преодолеть замкнутость «я», его отграниченность от «не-я». У Янышева это проявляется в концепции не зависящего от воли влечения к согласованию потребностей с потребностями других личностей; Светилин, Грибановский и Аквилон предлагают схожие между собою концепции «расширяющегося я»; Зарин – идею «психического обмена» между любящими личностями. У митр. Антония этой же цели служит идея сострадающей любви.

Таким образом, за большим разнообразием антропологических взглядов представителей стоит единое стремление преодолеть философскую замкнутость «я».

Список литературы

1. *Аквилонов, Е., свящ.* О Божестве Господа нашего Иисуса Христа и о средствах нашего спасения / священник Е. Аквилонов. – Петроград : тип. А.П. Лопухина, 1901. – 74, II с.

2. *Аквилонов, Е., прот.* О физико-телеологическом доказательстве бытия Божия / соч. протоиерея Е. Аквилонова. – Санкт-Петербург : Тип. И.В. Леонтьева, 1905. – [5], 5, 434 с.

3. *Антоний (Храповицкий), митр.* Избранные труды, письма, материалы / митрополит Антоний (Храповицкий). – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2007. – 1056 с.

4. *Епископ Михаил (Грибановский) : сочинения, письма, жизнеописание / сост. Н.Н. Лисовой, священник Павел Хондзинский. Письма. Жизнеописание / Православ. Св.-Тихон. Гуманитар. ун-т. – Москва : Изд-во Моск. Патриархии Рус. Православ. Церкви, 2011. – LXIV, 883 с.*

5. *Зарин, С.М.* Аскетизм по православно-христианскому учению. Т. 1, кн. 2 / этикобогослов. исслед. Сергея Зарина – Санкт-Петербург : Тип. В.Ф. Киршбаума, 1907. – 720 с.

6. *Каледа, П., диак.* Протопресвитер Евгений Аквилонов: психологический аргумент в доказательстве бытия Божия / диакон Павел Каледа // Христианское чтение. – № 1. – 2019. – С. 85–91.

7. *Кнорре, Б.К.* Аквилонов Евгений Петрович / Б.К. Кнорре // Православная энциклопедия. – Москва : Церков.-науч. центр «Православ. энцикл», 2000. – Т. 1. – С. 387–388.

8. Распределение предметов преподавания в I, II и III курсах СПбДА по трем ее отделениям на 1882–3 учебный год // Журналы заседаний совета С.-Петербургской духовной академии за 1882/3 год. – Санкт-Петербург, 1883.

9. [Светилин, А.] Лекции по психологии, читанные студентам Санкт-Петербургской духовной академии в 1882–1883 учебных годах профессором А.Е. Светилиным : копия с литогр. материала. Собственность П.П. Курицына, преподавателя Подольской духовной семинарии. – 630 с.

10. *Серебrenиков, В.С.* Учение Локка о прирожденных началах знания и деятельности. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1892. – 368 с.

11. *Феофан Затворник, свт.* Собрание писем. В 5 т., т. 5 / святитель Феофан Затворник. – Москва : Правило веры, 2012. – 603 с.

12. *Хондзинский, П.* Синтез опытной психологии и метафизики в духовно-академической науке второй половины XIX столетия: А.Е. Светилин и его ученики / протоиерей Павел Хондзинский // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2015. – № 4 (33). – С. 152–174.

13. *Янышев, И., прот.* Православно-христианское учение о нравственности : из лекций по нравственному богословию, читанных студентам С.-Петербург. духов. акад. / протоиерей И. Янышев. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1906. – XII, 462 с.

UDC 233.5

**ANTHROPOLOGY OF SAINT
PETERSBURG THEOLOGICAL ACADEMY
OF THE LATE 19TH – EARLY 20TH
CENTURIES: OVERCOMING THE «I»
ASOCIALITY**

Pavel I. Kaleda, Deacon

PhD in Physics and Mathematics

Postgraduate leaver of St. Tikhon's

Orthodox Humanitarian University

E-mail: pkaleda@yandex.ru

For citation: *Kaleda, P.I., deacon.* Anthropology of Saint Petersburg Theological Academy of the late 19th – early 20th centuries: overcoming the «I» asociality // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 2 (11), pp. 129–148. (in Russian)

Abstract

The interest in anthropology came to Saint Petersburg Theological School from Kiev Theological Academy through V.N. Karpov and his direct pupil A. E. Svetilin. Representatives of Saint Petersburg Theological Academy wrote a number of works on anthropological topics, including concepts: «consciousness», «self-consciousness», «face», «personality». In this paper, an attempt is made to give an overview of the anthropological views on these concepts of representatives of St. Petersburg Theological Academy and to highlight the aspects that unite them.

Keywords: anthropology; consciousness; self-consciousness; personality.

References

1. *Akvilonov, E., priest.* O bozhestve Gospoda nashego Iisusa Khrista i o sredstvakh nashego spaseniya [On the Deity of our Lord Jesus Christ and on the means of our salvation]. / priest E. Aquilonov. – Petrograd: A.P. Lopukhin publishing house, 1901 – 74, II p. (in Russian)

2. *Akvilonov, E., archpriest.* O fisiko-teologicheskom dokazatel'stve bytiya Boziya [On the physical and teleological proof of the existence of God]. / writings by Archpriest E. Akvilonov. – St. Petersburg: I.V. Leontiev publishing house, 1905, [5], 5, 434 p. (in Russian)

3. *Anthony (Khrapovitsky), metropolitan.* Izbrannye trudy, pis'ma, materialy [Selected works, letters, materials]. / Metropolitan Anthony (Khrapovitsky). – Moscow: Publishing house of the Moscow Patriarchy of the Russian Orthodox Church, 2007. 1056 p. (in Russian)

4. Episkop Mikhail (Gribanovsky) : sochineniya, pis'ma, zhizneopisanie [Bishop Mikhail (Gribanovsky): compositions, letters, biography]. / compiled by N.N. Lisova, priest Pavel Khondzinsky. Letters. Biography / Orthodox St. Tikhon University of Humanities. – Moscow: Publishing house of the Moscow Patriarchy of the Russian Orthodox Church, 2011. – LXIV, 883 p. (in Russian)

5. *Zarin, S.M.* Asketizm po pravoslavno-khristianskomu ucheniyu [Asceticism according to the Orthodox Christian teaching]. Vol. 1, book. 2 / ethical theologian research by Sergei Zarin – St. Petersburg: V.F. Kirshbaum publishing house, 1907. 720 p. (in Russian)

6. *Kaleda, P., deacon.* Prototropresviter Evgenii Akvilonov: psikhologicheskii argument v dokazatel'stve bytiya Bozhiya

[Protopresbyter Evgeny Akvilonov: a psychological argument in the proof of the existence of God]. / Deacon Pavel Kaleda // Christian reading. – No. 1, 2019, pp. 85–91. (in Russian)

7. *Knorre, B.K.* Akvilonov Evgeny Petrovich [Akvilonov Evgeny Petrovich]. / B.K. Knorre // Orthodox Encyclopedia. – Moscow: Church scientific center «Orthodox Encyclopedia», 2000, vol. 1, pp. 387–388. (in Russian)

8. Raspredelenie prdmetov prepodavaniya v 1, 2 i 3 kursakh SPbDA po trem eya otdeleniyam na 1882-3 uchebny god [Distribution of teaching subjects in the 1st, 2nd and 3rd years of study in St. Petersburg Theological Academy in three departments for the 1882–3 academic year]. // Record books of the meetings of the Council of the St. Petersburg Theological Academy for 1882/3. – St. Petersburg, 1883. (in Russian)

9. [*Svetilin, A.*] Lektsii po psikhologii, chitannye studentam Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii v 1882–1883 uchebnykh godakh professorom A.E. Svetlinym [Lectures on psychology delivered to students of the St. Petersburg Theological Academy in the 1882–1883 academic years by Professor A.E. Svetilin]. Copy from lithographic material. Property of P.P. Kuritsyn, teacher of Podolsk Theological Seminary. – 630 p. (in Russian)

10. *Serebrenikov, V.S.* Uchenie Lokka o prirodzhdennykh nachalakh znaniya i deyatel'nosti [Locke's doctrine of the innate principles of knowledge and activity]. – St. Petersburg: [s.n.] 1892. – 368 p. (in Russian)

11. *Saint Theophan the Recluse.* Sobranie pisem [Collection of letters]. In 5 volumes, vol. 5 / Saint Theophan the Recluse. – Moscow: Rule of Faith, 2012. 603 p. (in Russian)

12. *Khondzinsky, P.* Sintez opytnoi psikhologii i metafiziki v dukhovno-akademicheskoi nauke vtoroi poloviny 19 stoletiya: A.E. svetilin i ego ucheniki [Synthesis of experimental psychology and metaphysics in spiritual and academic science of the second half of the 19th century: A.E. Svetilin and his students]. / Archpriest Pavel Khondzinsky // State, religion, church in Russia and abroad. – 2015, no. 4 (33), pp. 152–174. (in Russian)

13. *Yanyshhev, I., archpriest.* Pravoslavno-khristianskoe uchenie o npravstvennosti: iz lektsiipo npravstvennomu bogosloviyu, chitannykh studentam S.-Peterburg. Dukhov. Akad. [Orthodox Christian

teaching on morality: from lectures on moral theology delivered to students in St. Petersburg Theological Academy]. / Archpriest I. Yanyshchev. – 2nd ed. – St. Petersburg: M. Merkushev publishing house, 1906. – XII, 462 p. (in Russian)

УДК 37.013.2

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ ТЕАТРАЛИЗОВАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ

Никитин Сергей Викторович
магистр педагогического образования
преподаватель церковно-практической
кафедры Тамбовской духовной
семинарии
E-mail: Serz4868@mail.ru

Для цитирования: *Никитин, С.В.* Педагогические аспекты социальной адаптации младших школьников средствами театрализованной деятельности в условиях воскресной школы // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 148–158.

Аннотация

В статье рассматривается проблема социальной адаптации младших школьников посредством театрализованной деятельности, соответствующей психологическим особенностям детей этой возрастной группы. Обосновывая эффективность осуществления театрализованной деятельности в условиях воскресной школы, автор приходит к заключению, что она способствует развитию «умных чувств», которые мотивируют младшего школьника на сознательное самостоятельное творчество, развивает коммуникативные навыки, умение строить и выбирать адекватные стратегии поведения, что является залогом успешной социальной адаптации.